

Хижина дяди Мирзы

Нужны ли России гастарбайтеры — тема непрерывного общественного спора. Неонацисты отрезают таджикам головы, умеренные националисты говорят, что иммигранты всегда будут источником напряжения в обществе. Но дело не в национальности или цвете кожи мигранта, а в его социальном положении.

Гастарбайтеры в России — это институт узаконенного рабства. Мы согласились на него ради экономической выгоды, но оно неизбежно влечет за собой социальные проблемы. Гастарбайтеры — это многомиллионная армия людей, исключенных из правового поля. Естественно, они становятся как жертвами преступлений, так и преступниками.

Черкизон

Московский Черкизовский рынок. Бесконечные стада автобусов, каждый день привозящих сюда десятки тысяч челноков. Многокилометровый лабиринт рядов, этажами уходящих куда-то вверх, сплошь завешенных черной одеждой; миллионы пар штанов и кожанок — и тысячи смуглых лиц, которые, как призраки, шепчут из своих пещер: «Джинсы, дубленка». Улицы выются под уклон, кажется, что спускаешься в какое-то подземное царство. Это целый город, десятки, если не сотни тысяч людей.

Углубившись в него на километр, понимаешь, что этот город живет совершенно самостоятельной жизнью, только по краям взаимодействуя с Москвой. Здесь другая страна, настоящий Восток, его горячий, вещественный драйв. Понимаю, почему наши «фашики» любят взрывать тут бомбы, так их все это бесит. Вдруг оказываюсь в тесном китайском квартале: рыба, соленья, какие-то неведомые продукты. По-русски не говорит никто — все вывески на китайском и вьетнамском. Грязные лесенки с улиц ведут куда-то вверх, на задворки, наполненные крохотными лавочками: парикмахерскими, магазинчиками, салонами связи, кафешками, десятками каких-то мелких конторок непонятного назначения — все по-китайски, все для внутреннего потребления. Висит белье, сквозь оконца брезжит тесная гастарбайтерская житуха.

Дальше — снова Ближний Восток: ряд с исламской музыкой. Тут же торгуют какой-то едкой наркотической травкой, которую здесь любят держать под языком. Прямо посреди улицы стоит телевизор, в нем неприятный, фарисейского вида шейх в чалме сердито втирает что-то на фарси. Вокруг кучка чумазных гастарбайтеров — слушают.

— Что говорит-то?

— Что человек без потомства — не человек, — отвечает маленький темнолицый парень в оранжевом жилете с тележкой — Алишер, узбек из Хивы, бригадир уборщиков.

Я предлагаю пойти перекусить, и он ведет меня вверх по лестнице в ангар. Железная дверь без вывески, большой зал, деревянные столы, копеечное меню на стене. На меня изумленно таращатся полсотни черных глаз. Даже в деревенских чайханах Курдистана мое появление вызывало меньше удивления. Рассказываю Алишеру, что пишу про кидалово. Он оживляется:

— Я тут работал в Истре, фирма «Аквастройландшафт», делали коттеджи. Месяц работали, 25 человек, я был бригадир — хорошо заплатили, мы довольные были. Перекинули на другой коттедж. Гендиректор обещал всем сделать регистрацию, разрешения на работу, говорил: «Я фэсбэшник, ментов можете не бояться». Ничего не сделал. Четыре месяца работали, без выходных, по двенадцать часов. Утром приходили охранники, всех выгоняли: больной, не больной — неважно. Каждый день приезжал замдиректор Дима, давал на еду — то по 50 рублей, то по 100. Больше ничего не платили, говорили: «Доделайте объект». Один парень упал с лесов, ребра сломал — даже «скорую» не вызвали. Мы скинулись, я свой телефон продал — отправили его домой. До сих пор звонит мне, спрашивает: «Зарплату дали?»

— Так и не дали?

— Да я уже тогда понял, что ничего не дадут. Они просто ждали, когда мы плюнем и уйдем. Мы почти

достроили — ходили к Диме, просили дать хоть по 200 долларов. Он говорит: «Технадзор не принял объект, потом». Мы стали возмущаться — хозяйева вызвали ОМОН. Нас, правда, не побили: мы раньше разбежались. Вот и все. Сейчас тут работаю, 250 рублей в день, каждый день в руки дают, здесь все честно.

— А где живешь?

— Да тут, в контейнерах.

— Покажешь?

Мы бредем по задворкам рынка. Огромные ангары, склады, кафе, перекрестки, прожектора, заставленные фурами площади, тележки, тюки и тысячи, тысячи темных фигур. В какой-то подворотне наталкиваемся на патрульную машину, которая тихо, как щука, караулит в этих изобильных водах добычу.

— Я уборщик, — лопочет Алишер.

— Пошли-пошли, уборщик, — спокойно говорит огромный мент, заталкивая его в машину.

Я спрашиваю, куда его, и иду к выходу, чтобы ехать в 51-е отделение. Но тут Алишер звонит и сообщает, что свободен.

— Дал сто рублей.

— Так ты же говорил, у тебя порядок с документами.

— А им по фигу! Обыщут, сколько найдут — отберут. В прошлый раз майор у меня 40 рублей отнял, не стыдно ему за погоны! Не дашь — в отделение. Черных в камеру натолкают и бомжа посадят. А от него воняет — нельзя терпеть. Через пятнадцать минут заглянет мент: «Не надоело сидеть? Со всех три тысячи».

Наконец мы подходим к длинному зданию. Задняя неприметная дверь. Алишер останавливается:

— Иди сам, не хочу разговоров.

Я захожу внутрь. Обычный торговый центр, где днем спуют покупатели мобильных телефонов, по ночам превращается в общагу. В проходах на положенных на пол матрасах, завернувшись в одеяла, спят сотни рабочих. Кто-то играет в карты, кто-то идет с чайником, но в основном уже дрыхнут. Тут тепло и, как ни странно, уютно. Думаю, здесь даже лучше, чем в квартирах, где живет большинство работников рынка — по 25 человек на трешку, с круглосуточной очередью в туалет.

Я брожу между спящими, пока меня не окружают несколько мрачных крепких парней.

— Что ищешь? Как сюда попал?

Ребята молча ведут меня к запертому главному выходу — и я бегом удираю от расспросов охранника.

14 тысяч

На окраине рынка стоят штабеля железных контейнеров: к ним ведут лесенки, светятся окошки, торчат антенны — тут тоже живут люди. На завалинке мокнут несколько таджиков. Здравуюсь, сажусь рядом — что приятно в этой среде, повод для знакомства не требуется. Подходит еще один парень, с пакетом. Идет медленно, странно хромя — как-то всем телом, явный калека. Знакомлюсь — зовут Камил, ходит по рынку, продает мотки скотча.

— Разгружали вагоны со щебнем. Не успел отскочить — перебило ногу. Ребята-таджики отвезли в больницу, месяц лежал, ребята платили за каждый день. Вернулся на ту же стройку через три месяца, прораб увидел — говорит: иди отсюда. Никуда не могу устроиться, сразу выгоняют. Вот скотчем торгую. Только на еду хватает, живу у ребят. На днях они мне говорят: мы тебе на дорогу соберем, если хочешь. Не могут прямо сказать: езжай уже! Надо ехать, а не хочется. Приеду калекой, без денег — что буду делать?

Заезжаю на Арбат — там рухнул дом, став братской могилой для нескольких таджиков-гастарбайтеров. Горстка зевак, ленточки ограждения, замерзший мент, за ним — пустая шкурка дома и гора битого кирпича внизу. Серьезная надувная палатка — штаб. Вокруг подъемного крана тусуются десятка три крупных мужиков в эмчезовской форме, трещит рация. Крановщик работает, остальные смотрят. Деловитое безделье: пригнали — стоим. Подходят врачи, говорят, что всех опознали. В палатке кто-то по-армейски отчитывается в

телефон: «Все, спасательную фазу операции можно считать завершенной...»

Обхожу дом, вижу группу замерзших таджиков, спрашиваю, кто из них родственники погибших.

— Что стоите? Они же всех вытащили.

— Да нет, три человека там еще.

— Откуда известно?

— На объекте они были, ребята их видели, телефоны третий день не отвечают. А им лень уже, еле-еле копаются. Мы просим, просим: дайте мы сами разберем! Сейчас сто человек с фирмы пришли бы — за день бы все раскидали. А этим неинтересно, есть там кто, нет — таджики же, не русские. За что ребята погибли, а? За четырнадцать тысяч в месяц. И что, накажут кого-нибудь? Да даже дела не заведут!

Незаведение уголовных дел по факту гибели и увечий гастарбайтеров — норма. В «Склифе» (Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. — «РР») мы навещаем Наима Каримова, таджикского рабочего, случайно подстреленного милицией. Наим — крепкий мужик, успевший тут обрасти бородой, лежит на койке голый, накрытый простынкой. Он парализован.

— В электричке познакомился со стариком, который позвал к себе жить, чтобы я ему помогал. Старик алкаш, живет в коммуналке. С соседями у него ссора, ходит домой через окно: под ним крыша подвала. Собираюсь я как-то на работу, слышу — кто-то окно открыл. Я подошел, раздвинул шторы — там мент. Схватил меня, вытащил на крышу и выстрелил. Я упал, ударился о крышу, потом об лед, больно было ужасно! Внизу у машины два других милиционера стояли.

— Денис, ты что, стрелял в него? — спрашивают.

— Да я вроде не стрелял...

Потом они нашли пулю и гильзу, стали советовать, что делать. Денис подошел ко мне, пытался всунуть мне в руку свой пистолет. Я, хоть от боли не соображал ничего, понял это и сжал руки на груди. Я кричал, звал на помощь, просил их вызвать «скорую» — бесполезно. Часа через два приехала «скорая». Кто вызвал, не знаю. Врач подошла к ментам, говорит: «Это опять вы?!» Вот привезли сюда — врачи хорошие, бесплатно лечат.

Три недели Наим провел в реанимации, три месяца лежит в больнице. Кроме ранения у него перелом позвоночника. Нижняя половина тела парализована, возможно, навсегда. У кровати стоят принесенные земляками гантели — Наим старается поддерживать в форме то, что осталось. Уголовное дело не заведено — словно собаку подстрелили.

Работай легально

Работай легально! Плати налоги!» — скандируют чистенькие студенты, встречающие поезд Бишкек — Москва на Казанском вокзале. Сквозь их строй, съездившись, пробегают киргизы. Это акция «Молодой Гвардии». Студенты пытаются вручить киргизам листовки с адресами ФМС, где нужно вставать на учет, но те стараются побыстрее проскользнуть.

Объяснить юношам и девушкам абсурдность их занятия невозможно, поскольку тема их не интересует. Хотя у меня есть отличный пример гастарбайтера, который очень хотел работать легально.

Олимжон Тухтаназаров, прекраснотушный и наивный ташкентский интеллигент, решил все делать официально, по закону. Думал подработать в Москве — собрать денег жене на операцию. Пошел в ФМС, встал на учет, спросил, что делать. Ему сказали, что надо устроиться на работу — а там оформят разрешение. Олимжон устроился бригадиром в РСУ-1 АПРЭО. Работал месяц — каждый день спрашивал про официальное оформление. Ему отвечали: «Не волнуйся, все будет».

Однако в общежитии, где жил Олимжон, ни у кого из 150 рабочих разрешений и договоров не было. Зарплату не получали месяцами. Олимжон позвонил в ФМС, и выяснилось, что квота кончилась, разрешений больше не дают — на фирме ему ввали.

Нелегально он работать не хотел — пошел к директору, попросил расчет. Тот на него наорал и приказал охране отвезти в Хорошевское ОВД. Там участковый стал кричать: «Без разрешения работаешь?! Щас штраф заплатишь, и депортируем тебя нах!» Олимжон, человек грамотный, возразил: «Но ведь тогда и фирме

придется платить штраф». Участковый понял, что на испуг его не возьмешь, отвез обратно и сдал охране.

Тогда узбека повезли в ОВД «Бибирево» и обвинили в краже инструментов. Сотрудники угрозыска стали его запугивать: «Сознавайся, а то наденем на тебя противогаз, наручники, как в фильме “Московская милиция”». Но тут выяснилось, что кража случилась через месяц после того, как Олимжон покинул тот объект, — его отпустили. Олимжон пошел в Хорошевскую управу, написал жалобу на директора РСУ. Ее перенаправили директору. Когда же Олимжон пришел к нему, его избили и вышвырнули вон. По «скорой» он попал в «Склиф».

В конце концов Олимжон добрался до комитета «Гражданское содействие», занимающегося помощью мигрантам. Там написали жалобу в Трудовую инспекцию. Из нее пришел ответ: «Факт трудовых отношений не установлен».

— Мошенники пользуются тем, что мигранты неграмотные, — говорит председатель «Содействия» Светлана Ганнушкина. — Дерут с людей 10–12 тысяч, делают им фальшивые регистрации и разрешения на работу. Большинство мигрантов понятия не имеют, что они могут сами пойти в ФМС и сделать их за 3 тысячи. Им кажется, что без посредника они ничего не могут, но на самом деле это выкинутые деньги. Например, в том году квота давно кончилась, а разрешения на работу по-прежнему делали. Мы обращались в прокуратуру, приложили пачку телефонов этих фирм — нам пришел ответ, что они не могут туда дозвониться. Мы можем, а они нет.

Хозяевам выгодна нелегальность рабочих. Липовые регистрации и разрешения дают работодателю возможность в любой момент вызвать милицию и депортировать негодных. Узбека везут в суд, где за пять минут приговаривают к штрафу и выдворению. Часто мигранта даже не вызывают в зал суда, об адвокате вообще речи нет. По закону, выдворяемого можно держать под стражей неограниченный срок. Рабочие знают, что их в любой момент могут выслать, а то и посадить на полгода.

Правда, за наем нелегалов полагаются огромные штрафы (по 800 тыс. рублей за человека), но мелкие фирмы почти никто не проверяет. Кроме того, наказание несет непосредственный наниматель, а не реальный подрядчик. Этим-то и хороши посредники: фирма-однодневка набирает рабочих и бесследно исчезает.

Подавляющее большинство гастарбайтеров — малограмотные дехкане. Их хозяева относятся к ним как к скотине, которую надо где-то держать и чем-то кормить, пока та работает. Большинство мигрантов принимают такое отношение. Поэтому среди них чувствуешь себя порою, как в хлеву — не из-за грязи, а из-за их безропотной покорности.

— Недавно пришел наш прораб, побил нас всех.

— За что?

— Мы не знаем... Думаем, что платить не хочет.

Схемы кидалова

Бахром Хамроев — правозащитник, сотрудник «Мемориала» — занимается защитой прав гастарбайтеров. Аккуратный интеллигент с бородкой и зачесанными назад волосами. Его офисное пальтишко и портфель странно смотрятся на стройках и в гастарбайтерских трущобах, по которым мы с ним лазим.

— Вот опять деньги не отдали — каждый день мне люди звонят! В основном посредники кидают. Фирма нанимает какого-нибудь мошенника: у него документы в порядке, разрешение на работу есть. Он набирает бригаду — а потом исчезает. Люди идут на фирму, а те говорят: «Ты со мной договаривался? Нет? Ну и иди отсюда!» Звонят мне: «Бахром-ака, помоги!» Я еду, уговариваю заплатить.

— Как?

— Каждый раз по-разному, интуитивно. Обычно стараюсь мирно: мол, так нельзя, это тоже люди. Говорю: вы вредите России, Москве, настраиваете мигрантов против русских, именно от этого возникает преступность.

— А результат?

— От силы треть платят. Как правило: «У нас такой не работал, не числился» — без договоров же все! Часто говорят: нет денег, кризис, партнеры... Только пару раз сказали прямо: «Мы не будем платить». Вот три дня назад поехал на стройку, там азербайджанцы хозяева, кричат: «Ты кто такой? Вали отсюда! Прокуратура? Да

нас прокуратура крышует!» Ножом мне угрожали: «Прирежем тебя, никто нам слова не скажет». Сказал им, что буду звонить в ФМС — они испугались, начали на совесть давить: «Ты че, с ментами, да? ментовской?!» Я говорю: «А вы блатные? Ну хорошо, давайте по-блатному». А на самом-то деле — позвоню я в ФМС и что? Рабочие боятся говорить, что они нелегально работали, доказательств никаких, деньги только через суд — никогда не добьешься.

По словам Бахрома, есть несколько привычных схем кидалова. Одну можно назвать «плохая работа». Нанимают бригаду необученных таджиков, ставят, допустим, класть кладку. Они ребята послушные, делают, что сказали, кладут кое-как, месяц работают за еду. Потом приходит прораб и выгоняет всех «за плохую работу»: вы нам, дескать, еще должны остались. Работа и правда плохая, но все-таки сделана.

Другую схему можно назвать «позитивный опыт». Как раз так поступили с Алишером с Черкизовского рынка. Берут бригаду, ставят доделывать объект, хорошо платят. Потом ставят на другой объект — и месяца три обещают. Рабочие ждут, а когда начинают тихо бунтовать, подрядчик вызывает ОМОН. После чего набирает другую бригаду доделывать, хорошо им платит — и по новой.

Еще один хороший способ — демонтаж вагончиков. Когда рабочие устают ждать, появляются люди с подъемным краном — от подрядчика, из управы или каких-нибудь инспекций — и сообщают: вагончиков здесь стоять не должно, мы их увозим, ничего не знаем.

А зачастую посредник просто исчезает, отключает телефон. Еще месяц-полтора голодные рабочие сидят в бытовках, пытаются кому-то жаловаться, но в конце концов разбредаются по другим стройкам.

Гастарбайтеры, попадающие в крупные компании, выглядят совсем по-другому: это не забитые чурки, а нормальные, уверенные в себе рабочие. Правда, для ментов за воротами это не имеет ровно никакого значения: настоящее у тебя разрешение на работу, липовое или его вообще нет — сто рублей.

Но нормальная ситуация лишь в нескольких строительных гигантах и только на этапе возведения. Строят крупные компании обычно сами, а отделку поручают посредникам — кто дешевле. Те бросают рабочих с объекта на объект, размещают их где попало: в выселенных домах, вагончиках других подрядчиков, общагах — все по устной договоренности. Тут и процветает кидалово: работают без договоров, спят вповалку, едят майонез. Когда посредник исчезает, концов уже не найти. Как мне говорили:

«Посредник — это 80%, что тебя кинут».

ОМОН

В Челобитьево нас вытащил Шокир Хасанов, журналист районной узбекской газеты, работающий в Москве сварщиком. Шокир — настоящий журналист, шило не дает ему покоя. Он обнаружил, что на поселки гастарбайтеров совершает набеги подмосковный ОМОН — и увозит их на бесплатные работы. Началось же с того, что Шокир попался сам.

— Иду около Ярославского рынка, смотрю — водитель из «газели» меня пальцем манит. Я сразу понял, что это менты. Нет, думаю, не поймают меня, спускаюсь в переход — а на том конце человек в штатском: «Ваши документы, пройдемте». «Так вот, — говорю, — документы, зачем идти-то?» «Пошли-пошли!» Открывают «газель» — там одни черные, человек десять. Водитель говорит: «Ну что ж ты? Я ж тебя звал, хотел подвезти». Отобрали паспорт, деньги, телефон. Привезли в Щелково, на базу ОМОНа, сказали: будете работать. Большинство отправили сейфы таскать, а я старый — дрова колоть поставили с одним киргизом.

Мы колем, а они там на плацу тренируются — автобус с «террористами» захватывают. Ну, мне интересно, журналист все-таки, — больше смотрю, чем колю. А ребята таскают, и их еще и бьют. Просто так, по приколу, кулак сунут: «Че такой лопоухий, а?» Идет парень куда-то мимо омовца, а тот вдруг красиво так, с разворота ему ногой в грудь. Парень упал, тот его поднимает: «Ну че ты такой слабый? Крепче надо быть!» Я говорю:

— За что ты его?

А он:

— Ты че, умный?! — и идет на меня.

— Нет, не умный, просто у меня тоже сыновья есть...

— Ну вот будут тут твои сыновья, их тоже будем воспитывать. Нас сюда зачем поставили? Воспитывать вас.

Тут другой омоновец, Андрей, говорит:

— Ладно, не трогай старика.

Утром дали батон на двоих и в обед батон. Ни воды, ни чая — жуй. Отработали до шести, посадили нас обратно в «газель», отдали паспорта и телефоны, отвезли на станцию Ивантеевка.

Рано утром, до света, мы с Бахромом и Шокиром едем в Челобитьево, одну из бесчисленных подмосковных деревень, населенных почти исключительно гастарбайтерами. Эти трущобы, кольцом окружающие Москву, — настоящие фавелы. Тут совсем другая жизнь, непохожая на жизнь в новостройках на горизонте. Тут другие люди и отношения. Здесь уходят на работу в пять утра, таскают ящики по двенадцать часов, моются раз в неделю, варят плов. Отсюда, с пустырей, знакомый город, весь наш мир выглядит совсем иным — как чужой, иностранный.

Челобитьево только называется деревней. Пустыри, горы мусора, остатки садов, циклопические трубы ТЭЦ на горизонте — и дикое нагромождение домишек, бараков и вагончиков. Здесь живут тысячи таджиков, узбеков, киргизов — в основном это грузики на рынках. Поселки вокруг МКАД забиты гастарбайтерами. На каждом участке, в пристройках и бытовках человек по 50–70.

— Построил теплушку два на два — четыре человека, по три тысячи. Построил душ — сто рублей за помывку. Можно жить, — шутит Шокир.

Пять утра, темно, холодно, мокрая грязь на всем. По дороге движутся черные нахохлившиеся фигуры — таджики и узбеки спешат на работу.

— Вишь, торопятся, до ОМОНа проскочить хотят. Почти каждое утро они здесь стоят, — Шокир показывает следы шин на пустыре. — Хватают ребят — и в машину. Кто может — откупится. Рублей за пятьсот. Но я знаю парня — семь тысяч у него забрали, и все равно работать поехал. Бывает, ребята убегают, кто неопытный. Но они на разных концах улицы стоят. По рации скажут своим, те поймают, отлупят зверски — и в машину. Обычно возят к себе на базу или на какие-нибудь стройки — дачи строить, мусор убирать. Знаешь, какие у них дома? Ой! Что-то их сегодня нету. Ничего, приедут: ребята говорят, ОМОН взял подряд траншеи рыть...

По окрестным пустырям разбросаны хижины из фанеры и рубероида, сливающиеся с жухлой полыньей. Над каждой — дымок. Света нет, топят буржуйки: древесного мусора вокруг полно. Здесь живет в основном «шабаш-трест» — поденщики, не нашедшие постоянной работы. Рано утром они выходят на стихийную биржу труда на обочине Ярославки и толпой бросаются к каждой притормаживающей машине.

Развиднелось. Местность как в «Сталкере»: киберпанковские плетни — скрепленные проволокой спинки кроватей, велосипедные рамы и дверцы «жигулей»; за плетнями среди трущобного убожества мелькают яркие женские платки. Навстречу выходят два старика, блестя золотыми зубами и сияя таким неподдельным деревенским радушием, которое бывает только в кишлаках.

Из мороси появляется пожилой мужик на велике — это Мирза, знакомый Шокира, бывший учитель биологии. «На самом деле его Абдухакором звать, но люди зовут Мирза, “писарь”: он выписки из Корана умеет делать». Каждое утро, в пять часов, Мирза объезжает пустыри — чтобы предупредить земляков, если появится ОМОН.

Мирза ведет нас к местной мечети — лучшей, какую я видел в жизни. Кривая фанерная хибара с покрышками, прижимающими шифер на крыше. Внутри пусто, фанерные колонны, фанерный михраб — ниша, обращенная в сторону Мекки, окно — старая рама с какой-то дачной веранды, фанерный пол, затянутый некогда белой тряпкой. Мне кажется, если бы Аллах искал самое трогательное место для молитвы, он выбрал бы эту хибару, выстроенную гастарбайтерами на московском пустыре — без команд сверху, без муллы и денег.

— Вот сюда они пришли в Рамазан. Старшего за шиворот схватили: «Десять тысяч с вас!» Много народу было, не помещались. Люди молятся, а они вломились, избили всех. А бьют ведь так, что инвалидами делают. Один парень тут кровью мочился, в больницу попал, другому руку сломали — они деньги давать не хотели. Еще одному по голове стукнули, он сознание потерял — ребята прибежали ко мне, я стал звонить в «скорую». Спрашивают: «Таджик? Регистрации нет? Не поедет». А через два месяца у него кровоизлияние в мозг, умер. Замучили они совсем, девять месяцев уже — приезжают в четыре утра, идут по домам, строят всех. Моих сыновей на днях забрать хотели, но я откупил: ОМОН увезет, а их за прогул с работы выгоняют.

Интернационал

Заходим в хибару. Мирза показывает крохотные комнатенки размером с ванную, где помещаются четыре койки, буржуйка и телевизор. Запускает генератор — в каморках вспыхивает свет, на экране появляется призрачная телевизионная жизнь. Я спрашиваю Мирзу, что его сюда привело.

— Вышел на пенсию, пожил-пожил — чувствую, опускаюсь на уровень — как по-русски — нищеты. Забыл уже русский-то. У меня четыре дочери замужем, остальных тоже скоро отдам — все знают, что дочки учительские, хорошо покупают. Вот приехал сюда, хожу с утра на пяточок, жду работы. Приезжают, покупают нас — копать, таскать. Не каждый день, но ничего: за три месяца две тысячи долларов домой отправил. Нормально, как считаешь?

С удивлением вижу, что он ждет ответа — просто по-деревенски интересуется моим мнением.

Мы возвращаемся назад. На окраине деревни, у подпольного кафе мужики готовят плов — пламя вырывается из бочек, на которых стоят котлы, шипит лук, летит дым, вокруг тусуются гастарбайтеры. В километре от белых новостроек, где москвичи пелятся на реалити-шоу, идет грубая, простая, свободная жизнь. Тут нет законов, есть только обычаи. Люди с оружием уводят жителей в рабство...

Бахром жмет руки, шутит, говорит со всеми — словно в родную деревню вернулся, хотя на самом деле видит здешних обитателей второй раз в жизни. Отбирает топор у какой-то женщины, сует мне портфель и — в пальто и туфлях — начинает колоть дрова. Не переставая жарко и много говорить. Зачаточное знание турецкого позволяет мне понять, что это агитация:

— Почему позволяете себя бить?! Почему армян не бьют, дагестанцев? А у нас народ смирный, как бараны. Когда узбек ударит мента, у меня самый большой в жизни праздник будет. Они считают нас животными, потому что мы сами так к себе относимся. Для нашей власти мы тоже скот. Погодите, скинем Каримова — все изменится...

Пар вырывается у Бахрома изо рта, летят щепки, мужики и бабы внемлют. Я вдруг понимаю, что вижу картину, известную только по книжкам: большевик агитирует рабочих против царя. Я вижу, что все они — включая Бахрома — гораздо наивнее нас и открытее друг другу.

Постепенно я выясняю, что когда-то Бахром был одним из лидеров узбекской оппозиции, затем бежал в Азербайджан к своему другу Абульфазу Эльчибею. Когда он произносит эту фамилию, я вдруг понимаю: он же из перестройки, из поколения романтиков, оголтелых лидеров «народных фронтов». Некоторые из них, правда, стали президентами, наразвязывали войн и были смещены оклемавшимися аппаратчиками. Другие погибли, приспособились, утонули в коррупции. Только Бахром остался тем же наивным максималистом. Без устали лазит по стройкам и трущобам, выбивает гастарбайтерам их трудовые гроши и все агитирует за революцию...

На остановке маршрутки, уже на границе нашего мира, стоят два шестнадцатилетних черных от грязи таджика. Некоторое время мерзнем рядом, потом они подходят, бесхитростно спрашивают:

— Не знаете, где девочку можно достать? Очень хочется.

— Знаю. Езжай на Тверской бульвар, подойди к девушке, вежливо познакомься, пригласи в кино.

— С пустой рука, без денег какой знакомься?..

— Рука не важно, главное — сердце.

— Хех, спасибо, брат.

Орловское дело

Хотя де-факто рабский труд мигрантов — дело обычное, до суда дошло всего пару раз. В ноябре были вынесены два приговора бандам рабовладельцев — в Новосибирске и Орле. Дела эти похожи как две капли воды — просто потому, что отражают повсеместную практику. Рассказывает Дионис Ломакин, адвокат «Гражданского содействия», защищавший интересы орловских рабов.

— Владелец этого бизнеса был Алексей Прыгунов, некогда криминальный авторитет, а к тому моменту член орловской областной комиссии по борьбе с коррупцией. У него была сеть автомоек и несколько мелких строек. В Узбекистане был свой человек, милиционер, который вербовал рабочих: обещал им 300 долларов в месяц, жилье и питание. Узбеки приезжали в Москву, с вокзала их везли в Орел, отбирали паспорта и телефоны.

Ничего не платили. Сначала им говорили, что они якобы должны по десять тысяч, которые взял вербовщик, — а еще за постель, спецодежду, регистрацию и т. д. А потом уже ничего не говорили — просто били и запугивали. По сути, работали они только за еду (в день давали по сто рублей) и чаевые. Жили все 30 человек в одном холодном помещении, прямо на мойке, на ночь охранники запирали ворота, никого не выпускали. За продуктами ходил только один. Когда узбеки начали бунтовать, главного избили, вывезли в лес, стреляли из автомата поверх головы. Остальных построили в шеренгу, били бейсбольной битой, орал: «Не выйдете на работу, будет хуже!» Во время проверок ФМС большинство увозили — оставляли только шестерых, которым сделали регистрацию. А остальные сидели за городом, голодали, ели собак. А вообще, с ФМС у Прыгунова отношения были хорошие: узбеки мыли им машины — на скорость, кто быстрее.

Когда один узбек сбежал, всех избили, самых активных заперли. Но они нашли где-то мобильник без сим-карты — и стали звонить «02». Звонили-звонили — ноль реакции, никто не приезжал. Тогда они стали умолять операторшу, и та, наконец, перевела их на ФСБ. Через 15 минут у ворот уже были оперативники. И вот эти ребята из местного УБОПа, особенно один, Игорь Слизников, очень близко к сердцу все приняли. Поселил узбеков у себя на базе, кормил, потом по счетам, выставленным мобильным оператором, попытался разыскать тех, кто разбежался. Прокуратура же отнеслась к делу совершенно халатно, и если бы не убоповцы — оно бы развалилось. Обвиняемые вели себя очень нагло: запугивали и подкупали узбеков, издевались над ними прямо в зале суда, затягивали процесс — чтобы те разъехались. Вообще, у таких дел очень мало шансов: сбежавшим рабам негде жить, нечего есть, у них нет легального статуса, платить адвокатам они не могут. На этот раз ситуацию спасла человечность конкретных милиционеров — не по всем статьям, но все-таки Прыгунова осудили.

Шура Буртин, Шокир Хасанов, Елена Буртина, Юлия Вишневецкая, при участии Елены Буртиной

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2937 24.06.2009, 19:24 📌 432
URL: <https://babr24.com/?ADE=78765> Bytes: 29147 / 29083 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)